

Родилась 12 января, в один день с Бликсой Баргельдом, Джеком Лондоном и Германом Герингом, на разное количество десятков лет позже каждого из этих людей.

Коренная петербуженка, что абсолютно не искореняет любовь ко всем прочим городам и странам. Уже в четыре года пыталась уйти пешком в Сидней.

Творческий псевдоним — Сопрано. На вопрос о его происхождении каждый раз отвечает длинной историей, каждый раз — разной. Писать стихи начала в одиннадцать лет, писать ещё и радостные стихи — летом 2012 года. Кроме стихов пишет и переводит миниатюры, сказки, несказки и всё, что только душе угодно. География публикаций также широка и многогранна: стихи, сказки и переводы печатаются в журналах, альманахах и сборниках Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Омска, Новокузнецка и т.д., даже в таких серьёзных изданиях, как знаменитая петербургская «Литературная газета».

Бросала писать столько раз, сколько некоторые бросают курить, а потом бросила бросать. Выступает в клубах, квартирах, домах культуры и даже музеях городов России.

По образованию — лингвист, переводчик и специалист по межкультурной коммуникации, хотя иногда кажется, что по межпланетной. Стостраничная диссертация на немецком языке закалила характер и добавила желания писать больше на иностранных языках, но пока стихи переводят преимущественно другие уполномоченные лица, в частности, преподаватель СПбГУ Михаил Павлович Клочковский.

Сопрано — победитель третьего сезона всероссийского поэтического телешоу “Бабушка Пушкина” и вообще считает видеопозицию одним из прогрессивнейших направлений на этом поприще. Один из проектов, скоро выходящих в свет, — короткометражный документальный фильм-эксперимент с её непосредственным участием, где приоткрываются тайны творческой «кухни».

Разработала дизайн собственных авторских открыток, конечно, на тему поэзии.

Участник большого количества крупных поэтических проектов и фестивалей (петербургский «ЛитЧе», «Есть что почитать», московские «ЛитПоны», финалист фестиваля «Поэзия улиц»).

В последнее время часто выступает судьёй на разнообразных конкурсных мероприятиях, таких как, скажем, «Поэзия масс».

Написала, поставила и играет авторский поэтический моноспектакль “Голос в темноте”. Большая часть музыки для него была написана совместно с современной арт-рок группой под названием «ГАФТ». В октябре 2015 г. состоялась презентация первой книги Сопрано под названием «Карта Памяти».

Каждый день — новый камень в зазорах стен.

Бог висит немой на своём кресте.

Он как каждый, кто против шальных систем,
нелюбим отцом.

Он не слушает глупую болтовню,
я натянут нервом, звеню-звеню,
попадаю в каждую западню
по сто раз на дню.

Я хотел добра, я хотел любви,

А сейчас — сражайся и не реви.

Бросят в реку — давай, партизан, плыви,
научись грести.

Я того и гляди замету следы,
наглотаюсь всласть ледяной воды,
вот тогда, мой друг, ожидай беды,
некому спасти.

Бог по-прежнему подпирает крест,
Как Ему — и не надоест,
третий день, бедняга, не пьёт, не ест,
смотрит и грустит.

Я озяб, и голоден, и промок,
я не чувствую больше своих же ног,
завываю, как мокрый шкодной щенок,
хоть бы кто помог.

Он достанет меня из воды шутя,
как родная мать бедное дитя
утешает, когда оно, к ней летя,
разобьёт висок.

Он погладит меня по густым вихрам:
«А теперь, бродяга, спасайся сам,
где угодно можно построить храм,
ты не одинок.

Тысячи таких, потерявших путь,
Я смотрю на вас — не могу уснуть.
Всю эту тоску, голубую муть,
надобно лечить».

Я протёр глаза, а он не исчез.
Значит, он действительно Бог, не бес.
Он взбирается на мой медный крест
и опять молчит.

Берег географа видит издалека.
Чертит на карте новые параллели.
Жены бывалых смотрителей маяка
что там не видели, в самом деле.
Солнце по курсу точно белее мели,
каждая мать ждёт из плаваний моряка,
где-то на карту ложится её рука,
и отпечаток горит на планетном теле.

Дочки пилотов ждут с неба своих мессий.
Льётся слеза, в ней ни паузы нет, ни бунта,
больше всех нас становится на секунду
эта любовь, этот страх прикоснуться к грунту
раньше, чем Боинг опустит свои шасси.

Жёны солдат имеют уставший вид.
Что там стучит под другой стороной медали?
Эта любовь — то немного, что им дали.
Эти слова — то немного, что болит.

Вот потому любовь не мужского рода,
время не лечит, камень слеза не точит:

Вдруг он вернётся, вернётся однажды ночью?..

Мир недвижим в ожидании этой встречи
после его ухода.

Эта любовь — начало для всех начал.
Матери, дочери — памяти нет на лица,
вечно неспящие, но наяву им снится,
как самолёту по небу легко летится,
как переходит солдат налегке границу,
как капитаны прыгают на причал.
Их обнимают дочери на причале,
только любовь — начало, любовь — вначале,
сила, которая больше самой планеты.

Те, кто затеяли мир, говорят, об этом
даже не думали, даже такого не представляли.

Был человек и был бы забыт историей.
Умер, родился — все выходные данные.
Он превратился в Чарльза Роберта Дарвина
после того, как придумал одну теорию.

Бедный Колумб третий месяц не видел берега.
Маленький Эдисон ночью под шкафом прячется.
Страх потеряться заставил открыть Америку.
Страх темноты заставил придумать лампочку.

Страшно подумать — останемся ли, исчезнем ли?
Гениев мало, прочих — открыто множество.
Хочется жить забывчиво, безболезненно,
не ощущая собственного ничтожества.

Так исчезают в пределах мирах в процессе осмоса.
Нас не похвалят Гагарин и Армстронг, надо же:
мы перестали мечтать о полётах в глубины космоса,
страх посмотреть наверх заставил уткнуться в гаджеты.

Если стремились к технической революции —
вот оно. Всё, что нам нужно, дадено.
Страх утонуть на дне Марианской впадины
затормозил развитие эволюции.

Всё, что нам нужно — земного происхождения.
Если вопрос известен, о чём вы спросите?

Как удалён от нас марсоход Curiosity,
сам себе песню поющий на день рождения.

Горы на Марсе высятся бастионами.
Эхо от взрыва шумит на своём наречии.
Звездная пыль — одна его миллионная.
Мы — её часть.

А значит, бояться нечего.

И в момент, неизвестный науке и всем чертям,
Я вернусь туда, где желтеют крыши,
чёрный пёс Петербург мне на ухо дышит,
заставляя поверить своим смертям.
Я не буду верна
Ни ему, ни чёрту, ни науке, ни призрачным городам —
есть места, где проще живым, чем мёртвым,
и оттуда не едут домой поезда,
не летят самолёты,
не ходят чёлны.
Но достанешь парочку лишних крыл
и вернёшься — вдумчивым, иссечённым.
Словом: просто таким же, каким и был.

Мы стоим на проспекте, чертя на поребрике кедами.
 Мимо нас пассажиры метро продолжают движение.
 Ты без усталости вторишь моим золотым поражениям
 и смеёшься со мной над моими дрянными победами.

Сонный город проводит черту над моим одиночеством.
 Белый мир погружается в сказку в твоих сновидениях.
 Все неловкие жесты, недуги и несовпадения
 неизбывная нежность отмоет со временем дочиста.

Календарь отрывает от сердца недели и месяцы.
 Если вечер — то полночь, а утро — не то чтобы раннее.
 Мы всё так же задумчиво курим на питерской лестнице
 и всё так же о том, что случится, не знаем заранее.

Петербург из картона глядит на меня с фотографии
 укоряющим взглядом, как будто твердит "разве можно так?"

Архитектор проводит черту над моей эпитафией.
 Ты читаешь её как стихи незнакомым художникам.

Два голоса говорят тихо.
 Два голоса говорят много.
 Не спрашивая у Бога, появятся ли они в титрах,
 поручено ли им стадо, дадут ли потом награду.
 Когда говорят «надо», они говорят «ладно».

Два голоса говорят поздно.
 Два голоса говорят ночью.
 Когда уже видны звёзды, два голоса говорят молча.

Два голоса запоют песню, и выйдет как всегда складно.
 Два голоса не уснут вместе.
 Два голоса не уснут рядом.

Но если один заплнётся, второй будет продолжать ноту,
 пока не расцветёт солнце,
 пока не произойдёт что-то.

Уходит из-под ног почва — один другого расслышит.
Один заговорит громче.
Другой заговорит тише.

Хватает одного взгляда.
Хватает одного стука.

Хватается за пустоту рядом и чувствует на плече руку.

Что не терпится — перетрётся,
Не грызи себя, не коробь —
И на нашей палубе будет солнце,
Пароходик тихонечко развернётся
и уйдёт в свою ледяную топь.
Там, за морем иссиня-синим, без стыда плывут облака.
Знаю, может, невыносимо,
если, деточка, будешь казаться сильным -
папа купит тебе петушка.
Станет вдруг до зарезу нужно —
раз, два, три —
никто не будет тебя искать.
А пока — смотри:
ноябрьской тёплой стужей корабли спокойно ложатся спать.

Ты выходишь в последний раз из чужого дома,
по пятам преследуем гнилью стен.
Слава Богу, невидимы в темноте
ржавые края твоего излома.
Ты выходишь оттуда не пряча глаз.
Это чувство — оскомина. Боль — знакома.
Так всегда бывает. Каждый последний раз.

Твоя связка ключей, ключевая связка,
сквозь карман прожигает тебе бедро.
Ты бегом спускаешься в глубь метро.
Эталонно веет болотной ряской,
не течёт живительная слеза.
Мутная толпа изорванной повязкой
покрывает твои измученные глаза.

Никому не надобно сердце Данко.
Лишь твоя затасканная кожанка
сохранит тепло. По коже дерёт мороз.
Твой конечный пункт — рядовая пьянка.
Всё вокруг — заезженная шарманка,
кто-то вдруг бросает тебе вопрос:

“И откуда столько в тебе надрыва?
Почему набухают твои нарывы,
будто никогда никто не лечил?”

Ты не сдерживаешь порыва.
И шепча себе “ave... viva...”
Сквозь сцеплённые зубы сплёвываешь:

— Молчи.